

Князь редко достаивал территорию гарема личным присутствием. Обычно он просто уведомлял главного евнуха о выборе наложницы и уходил быстрее, чем кто-то вообще успевал его заметить. Но даже так дни его визитов всегда сопровождались оживлением, смешливым перешёптыванием молодых наложниц и спорами о том, на кого упал его мимолётный взгляд. Жизнь в гареме текла по своему особенному распорядку — медленно, как струящийся дымок благовонной палочки, а потому любое событие воспринималось его обитательницами как нечто грандиозное и требующее бурных обсуждений несколько дней подряд.

Бай Лао любил просыпаться рано — едва бледно-розовая вуаль рассвета окутывала небосвод, он опускал босые стопы на прохладный с ночи дощатый пол и, блаженно потянувшись, проскальзывал мимо спящей Чуньшен — не имея никаких важных дел, она могла позволить себе долгий сон. Наслаждаясь утренней прохладой, Бай Лао обычно выскальзывал в сад, садился на крыльце и наблюдал за покачивающимися на лёгком ветру цветами, за трудолюбивыми мохнатыми пчёлами, за охристыми барханами вдалеке, что проступали всё чётче за растворяющимся туманом. Обычно он просто ждал, когда придут служанки подогреть воду в купальне, с удовольствием им помогая. Но с недавних пор он начал использовать утренние часы, чтобы привести себя в порядок. Чуньшен распорядилась обеспечить Бай Лао всем необходимым и у него появились собственные румяна, собственная тушь для глаз всевозможных оттенков и даже собственное медное зеркало с красивой резной ручкой, увитой чем-то вроде виноградной лозы. Восторгу Бай Лао не было предела, когда Чуньшен вручила ему всё это в небольшом сундучке из лакированного красного дерева, который он бережно хранит под кроватью. Первое время Чуньшен сама наносила ему макияж, но с каждым разом Бай Лао становилось всё более неловко и он решил справляться самостоятельно — сначала получалось не очень хорошо, но с каждым днём линии получались тоньше и ровнее и он безмерно гордился собой.

Устроившись очередным утром на крыльце, Бай Лао обмакнул самый кончик тонкой кисти в искристое жидкое золото — из всех доступных оттенков этот нравился ему больше всего. Уже поднеся её к самому уголку глаза, он вздрогнул, заметив вдалеке высокий силуэт и медные волосы, играющие огненными переливами в лучах восходящего солнца. Резной золотой гуань, казалось, доставал до самого неба. Бай Лао отложил кисть и замер, боясь привлечь лишнее внимание. В нахождении князя на территории собственного гарема, конечно, не было ничего удивительного, но Бай Лао впервые видел его здесь сам, в такой ранний час и в таких странных одеждах. Обычно Фэн У носил чёрное, как беззвёздное ночное небо, ханьфу, расшитое золотыми узорами парящих фениксов. Сегодня он выглядел почти безлико — простые белые одежды, развевающиеся на ветру; без привычных золотых наплечников и полудоспеха его фигура выглядела менее внушительно, но благородной стати это не убавляло. Неспешно прогуливаясь в тени цветущих вишнёвых деревьев, он вдруг остановился, коснувшись пальцами нижних ветвей — порывом ветра сорвало нежно-розовый цветок и Фэн У проследил взглядом его грациозное падение. Князь, по прежнему оставался человеком, страх перед которым у Бай Лао возникал рефлекторно, но сейчас, в этот самый момент, он выглядел странно печально и Бай Лао убедился в этом сильнее, когда их взгляды пересеклись — глубокая тоска густым маревом укрыла янтарный блеск — глаза Фэн У обладали более тёмным оттенком, нежели у его сыновей, а потому под натиском терзающих душу чувств напоминали, скорее, тлеющие после пожара угли.

Бай Лао оцепенел. Он смотрел в глаза Фэн У всего долю секунды — так мало, чтобы понять больше; так много, чтобы навлечь на себя гнев, ведь никому не дозволялось так бесстыже смотреть князю прямо в глаза, особенно никчёмному слуге. На его счастье, Фэн У, кажется,

слишком глубоко погрузился в собственные мысли, чтобы осознать случившееся — лёгкое удивление мимолётной тенью скользнуло по его лицу, будто бы он и вовсе забыл о существовании на территории собственного гарема ребёнка. Бай Лао очнулся спустя несколько непростительно долгих мгновений. К своему стыду, скованный страхом, он не придумал ничего лучше, чем смазанно поклониться и скрыться в покоях, сверкая босыми пятками. В дальнейшем, вспоминая этот момент, Бай Лао так и не смог понять, почему он так и не понёс наказания.

Вбежав в покои, Бай Лао задел плечом тонкую бумажную ширму, отделяющую его кровать от остального пространства, едва ли её не роняя. Запрыгнув на постель, он прижал колени к груди и уткнулся в них пылающим лицом, боясь, что стоит ему поднять глаза, Фэн У непременно окажется прямо перед ним.

Грохот, смешанный с тяжёлым дыханием, разбудил Чуньшен. Заглянув за ширму и увидев дрожащего ребёнка, она медленно подошла, присев на самый край кровати.

— Что так напугало тебя, а-Лао?

Бай Лао тяжело вздохнул, оторвавшись лбом от коленей. Прежде, чем ответить, он испуганно огляделся, но, ожидаемо, князя в покоях не оказалось.

— Там, — хрипло заговорил он, только сейчас замечая, как пересохло во рту, — Его Высочество в саду. Я посмотрел на него и убежал. Нюйши, меня накажут, да?

Чуньшен улыбнулась ему самой снисходительной улыбкой из всех возможных.

— На нём были белые одежды? — Спросила она, погладив Бай Лао по голове, и, дождавшись удивлённого кивка, продолжила. — Ты знаешь, какой сегодня день, а-Лао?

Каждый день в гареме едва ли отличался от предыдущего. Бай Лао нахмурился.

— Сегодня Цинмин[1]. Его Высочество будет слишком занят, так что не думаю, что наказание испуганных детей впишется в его планы.

Проведя большую часть жизни среди демонов, не уделявших особого внимания ритуалам поминовения, Бай Лао не был осведомлён должным образом. Он снова нахмурился. Что могло привести князя в траурных одеждах[2] на территорию гарема в столь ранний час?

Цинмин для южного князя всегда начинался с первыми лучами солнца, едва блеснувшими на небосводе. В этот день предстояло посетить храм предков, возложить цветы в Храме Неугасимого пламени в память о павшем герое и покровителе и выслушать десятки отчётов

всех ответственных за проведение городских гуляний. Но начинал он всегда с другого. Облачившись в безликие белые одеяния, Фэн У привычно направился на территорию гарема совершить то, за что его вполне можно осудить.

Более пятнадцати лет назад, приведя приговор в исполнение собственной рукой, он отнял жизнь женщины, предавшей его, но из года в год воскуривал благовония в память о ней в её пустующих ныне покоях. Сам факт такого почтения уже был немислим, а потому посещать гарем приходилось, едва забрезжит рассвет, словно он сам был преступником, совершающим нечто не просто предосудительное, но абсолютно недопустимое в своей мерзости.

Бывшие покои гуйфэй раскинулись тремя павильонами в самой отдалённой части гарема. Ныне пустующие и совершенно безжизненные, они строго охранялись евнухами, запрещающими кому бы то ни было из наложниц к ним приближаться. Раскидистые сливовые деревья наполняли округу сладким ароматом и бледно-розовые цветы, опадая, устилали всё вокруг нежной вуалью — Фэн У приказал посадить их как только Цзинь Мэйхуа ступила на территорию его дворца — сегодня они цвели здесь памятью горькой утраты.

В самих покоях было темно и пусто. Все личные вещи изменницы сожгли по приказу самого Фэн У и теперь лишь сухая серая пыль — единственный местный обитатель. Опустившись на колени перед низким столиком, Фэн У провёл по нему ладонью — пыльные ошметки, как обрывки старых воспоминаний упали на пол. Картина на стене — девушка, протягивающая ладонь к парящему фениксу — давно выцвела и потускнела, как старый шрам — немое напоминание ошибок прошлого.

В сизом дымке тлеющих благовоний чудились образы — яркий смешливый взгляд, переплетение рук и летящих шёлковых тканей, ладонь на тёплом округлом животе, мягкий пинок в самый её центр. Фэн У сжал кулаки — он так хорошо помнил всё это — счастливые воспоминания, разбитые в крошево, в прах, в полное ничто. Настоящие ли они? Существовали ли они когда-нибудь?

Цинмин для южного князя всегда начинался одинаково. С цветов сливы под ногами — бледных, как разбавленная водой кровь.

Успокоиться Бай Лао смог только после завтрака, окончательно убедившись, что князь в гневе не ворвётся в покои его нюйши в поисках оскорбившего его ребёнка, хотя сама идея этого, конечно, была абсурдна. Он закончил начатый утром макияж, всё ещё сидя на кровати и бросая пугливые взгляды в дверной проём, чем то и дело вызывал на лице Чуньшен снисходительную улыбку.

Цинмин в гареме совсем не отличался от любого другого дня. Разве что, наложницы небольшими группками посещали храм на территории, возведённый специально, чтобы они могли выказать почтение предкам, не имея возможности покинуть это место. От предложения Чуньшен пойти с ней, Бай Лао отказался. И если раньше это вызывало у него угрызения

совести и стыд, то сегодня Бай Лао мог признаться хотя бы самому себе, что он не испытывает никакого почтения к своим предкам.

От Чуньшен Бай Лао узнал, что на Цинмин в столице всегда устраиваются праздничные гуляния и уличные представления, а вечером небо озаряет свет десятков бумажных фонариков.

— Ты сможешь увидеть их, если вечером выйдешь в сад. Будет казаться, что на небе стало так много звёзд. — Говорила Чуньшен, даже не пытаясь скрыть грусти.

Наложницам запрещалось покидать территорию гарема, если только путь их не лежал в княжеские покои. Это была ужасная жизнь, все яркие моменты которой проходили мимо, словно песок сквозь пальцы. Бай Лао ни разу не был на каком бы то ни было празднике вообще и он бы очень хотел всё это увидеть, но взгляд Чуньшен был так печален, что он даже не решился спросить. Конечно, она говорила, что Бай Лао необязательно всё время находиться в её покоях, но одно дело разрешить ему погулять по дворцовой территории, совсем другое — отпустить его в город в одиночестве. Бай Лао и сам не считал это хорошей идеей — в памяти ещё был свеж момент нападения мальчишек возле казарм, который ему чудом удалось скрыть от своей нюйши. Конечно, Бай Лао необязательно было всё время находиться в гареме. Но это, по крайней мере, было благоразумно. В конце концов, это не последний Цинмин в его жизни.

Но как бы Бай Лао не убеждал самого себя, он был всего лишь ребёнком, падким на развлечения. А потому, когда на пороге появилась Цин Юань и предложила Бай Лао взять его с собой в город, он едва смог усидеть на месте, нетерпеливо подпрыгивая над своими листами для каллиграфии.

— Пожалуйста, нюйши! Можно мне пойти?

Чуньшен, как и многие во дворце, недолюбливала Цин Юань, с появлением которой течение жизни, едва приобретшее хрупкое спокойствие, вновь взбаламутилось, словно стая рыб подняла со дна зловонный ил. Были ли тому виной материнские чувства, не находящие до сего дня должного применения, но, глядя в искрящиеся детские глаза, у неё не было и шанса проявить строгость. Ей всегда нравилось, когда Бай Лао забывался и переставал вести себя как подобает приниженному слуге, превращаясь в обычного ребёнка, капризничая и канюча. В её жизни было не так много радости и она точно не собиралась лишать этого чувства кого-то другого.

— Если пообещаешь мне не влезать в неприятности.

На секунду Бай Лао стушевался. Гарем жил свою особенную, размеренную жизнь, изолированную от внешнего мира, но сплетни доносились до него не хуже пыльных облаков после песчаной бури. Могла ли Чуньшен знать о драке? Бай Лао едва заметно прищурился, стараясь не выглядеть подозрительно. О драке знали только Ю Линг и Цин Юань, они бы точно не стали сплетничать, а для солдатских мальчишек этот эпизод вообще можно было бы посчитать чем-то постыдным — получить по первое число от полукровки, да ещё и младше них

самих.

— Конечно, нюйши!

— Не стоит так переживать, — заговорила Цин Юань, многозначительно посмотрев на Бай Лао поверх плеча Чуньшен, — я за ним присмотрю.

Чуньшен вздохнула. Её мягкая натура никогда не позволяла ей плести интриги. Будучи абсолютно бесхитростной, ей приходилось настороженно относиться почти ко всем.

— Это меня и тревожит.

Цин Юань улыбнулась. И хотя улыбка её была мягкой, в ней сквозило что-то коварное.

— Милая сянфэй, — распевчато сказала она, подхватив пальцами прядь каштановых волос Чуньшен, — вокруг тебя есть и другие люди, которых стоит опасаться. Тревожься лучше о них.

Цин Юань недолюбливали многие, остальные просто боялись. Но смотря на неё, Бай Лао предпочёл бы стать как она, повзрослев. Чуньшен же любили все, но, оглядываясь назад, Бай Лао понял, что со временем нежное чувство почти сыновней привязанности превратилось в необъятную жалость.

В последний раз Бай Лао выходил в столицу больше года назад, когда Фэн Ся решил благородно устроить ему счастливый день рождения. До этого он и не задумывался, что прошло уже столько времени. За этот год Бай Лао пересекался со вторым молодым господином едва ли несколько раз. У принца, пускай и опального, хватало других забот. Бай Лао же перестал искать встреч, вдруг, почувствовав себя совершенно неуместным и неловким. Конечно, Фэн Ся продолжал тайком пробираться в гарем, чтобы поговорить с Чуньшен возле фонтана, и он мог просто пойти с ней. Но кому это было нужно — ему или второму молодому господину? Глупо отрицать, что Бай Лао нравилось общество Фэн Ся, но какое-то подспудное чувство, странное желание, которому Бай Лао пока затруднялся дать название, будто бы не давало ему чувствовать себя свободно. В глубине души ему, на самом деле, просто хотелось не искать редких встреч. Ему хотелось, чтобы Фэн Ся приходил не к Чуньшен.

Как бы то ни было, душевные терзания в этот день мало его беспокоили. В последний раз, когда Бай Лао выходил в столицу, она была не в лучшем виде после недавней песчаной бури. В Цинмин же она преобразилась. На юге этот праздник почти утратил своё первоначальное значение — да, люди воскуривали благовония и повсюду горели маленькие костерки бумажных денег в память усопшим, но в основном в этот день было принято чтить трагично погибшего героя — Фэн Хуана, пожертвовавшего собой ради благополучия и процветания страны. Повсюду развевались знамёна, феникс на которых горел так ярко, словно и правда был соткан из пламени. Дети, смеясь, запускали в небо десятки воздушных змеев и алые ленты

развевались на ветру как огненные языки. День был в самом разгаре, но даже несмотря на жуткий зной, улицы кипели жизнью, бурлили как вскипающая вода в котелке. Уличные артисты готовились к вечерним представлениям, подправляя костюмы в тени острозубых крыш. Бай Лао смотрел на всё это сквозь тонкий шёлк, спадающий с его соломенной шляпы, и всё вокруг казалось волшебным, почти эфемерным, укутанным поволокой таинственного тумана. Жарко было нестерпимо — пот ручьями катился от затылка прямо по позвоночнику — но Бай Лао ни за что бы не променял этот удушливый, шумный зной на прохладу тихих покоев. Он тяжело вздохнул, утерев пот со лба, и посмотрел на Цин Юань — в своих тёмных одеждах она выделялась из толпы людей, в основном облачённых в светлые цвета, и выглядела так, словно вовсе не чувствовала жары — всегда безупречная, казалось, холод её взгляда был способен обернуть пески пустыни в искристый снег. Бай Лао приосанился и незаметно протёр вспотевшие ладони о ткань бежевых штанов.

На самом деле, присмотр Цин Юань лишь назывался присмотром. Она медленно перемещалась от одной лавчонки к другой, приобретая замысловатые ингредиенты, которые не могла сама вырастить в саду, для своих горьких снадобий и причудливых талисманов. Бай Лао просто следовал за синим пятном, иногда придерживая шляпу, что оказалась слегка великовата и то и дело спадала, а верёвочки на жаре неприятно натирали разгорячённую кожу. Она лишь изредка бросала на него взгляд, но в остальном, казалось, ей не было до него большого дела. Праздничные гуляния начинались вечером и ей просто не хотелось возвращаться потом в гарем, но Бай Лао был готов потерпеть — когда ещё у него появится такая возможность.

Спустя, кажется, целую вечность скитаний по жару Бай Лао уже не был так сильно уверен, что весь этот вечерний праздник так уж сильно ему интересен. Залитая солнцем столица уже не радовала глаз, шумные голоса и радостный детский смех скорее раздражали, чем ласкали слух. Всё, чего ему хотелось — оказаться в гареме возле прохладного фонтана или даже прямо в нём. Среди светлых одежд любой непохожий оттенок может с лёгкостью привлечь внимание — синее ханьфу Цин Юань или рыжие волосы, горящие на солнце не хуже пламенных фениксов на знамёнах. Бай Лао отвлёкся на них, как мотылёк, привлечённый огоньком свечи.

На Цинмин князь с младшим сыном всегда торжественно возлагали цветы в храме Неугасимого пламени, на что традиционно собиралось посмотреть много народа, но старшему княжескому сыну среди них места не было. Никто не запрещал ему наблюдать из толпы, но Фэн Ся сам предпочитал этого не делать — мало, кому будут приятны перешёптывания и осуждающие взгляды. Фэн Ся мог сколько угодно быть княжеским сыном, вторым молодым господином и перспективным совершенствующимся, но он никогда не перестанет быть сыном изменницы, которому по доброй воле решили сохранить жизнь. И это было странным — одновременно быть ребёнком правителя и будто бы не иметь к нему отношения вовсе. И потому в этот день Фэн Ся предпочитал празднично бродить по городу, пробуя уличную еду, помогая детям распутывать громоздких воздушных змеев и наблюдая за вечерними представлениями.

Бай Лао давно перестал искать с ним встреч, но стоило только мелькнуть огненному кончику высокого хвоста, как он уже не мог перестать искать его взглядом.

— Увидел что-то интересное?

Его блуждающий взгляд, конечно, не укрылся от пронизательной Цин Юань.

Бай Лао отрицательно покачал головой, так быстро, что соломенная шляпа чуть было не свалилась на землю.

— Совсем нет! — Его поспешный ответ, конечно, выдавал его с потрохами.

Цин Юань хитро прищурилась, наклоняясь, чтобы заглянуть прямо ему в глаза.

— Знаешь, — заговорщически проговорила она, — я могу сделать вид, что не заметила твоей пропажи, если ты быстро вернёшься.

Глаза Бай Лао распахнулись от удивления так широко, что на мгновение он даже почувствовал боль.

— Но ведь... А вдруг...

— Я буду вон в той чайной, — взмахнув рукой, она прервала его неловкий лепет. — Считай это вторым шансом. Надеюсь на твоё благоразумие.

И она просто ушла, оставив Бай Лао посреди шумной жаркой улицы, позволив ему открыть любую дверь, какую захочется. Конечно, он мог бы просто пойти за ней, отвергнув эту возможность, но за углом вновь мелькнул огонёк чужих волос и Бай Лао маленьким мотыльком последовал за ним.

Фэн Ся нашёлся вдали от толпы. В тени острозубой крыши он сидел, привалившись к стене, прямо на земле, совсем не заботясь, запачкается ли одежда. Много дней минуло с тех пор, как Бай Лао видел его так близко, ещё больше с момента их первой встречи. Воспоминания, объятые пламенем, уже почему-то не пугали так сильно. Возможно, Бай Лао просто выросл. Возможно, человек перед ним уже не был той фигурой из огненного кошмара — Фэн Ся стал шире в плечах, подтянулся как окрепший стебель бамбука, заострились скулы — он всё ещё не был мужчиной, но уже и не был тем мальчиком, что стоял на коленях в храме, глотая кровь и слёзы унижения. Время текуче словно мираж в пустыне, воспоминания — не более, чем отсвет луны на застывшей озёрной глади — проведи рукой и он задрожит, исказится, а вернувшись, неуловимо изменится. Так и Бай Лао — страх всё ещё живёт в нём, его не стереть взмахом руки, но это больше не тот детский, слабый страх — это чувство иного толка и в нём его сила.

Бай Лао стянул надоевшую шляпу, аккуратно уложив внутрь полоски полупрозрачного шёлка и, подойдя ближе, поклонился. Фэн Ся одарил его ленивым взглядом из-под опущенных ресниц — на скулах что-то блестнуло — конечно, испарина от знойной жары.

— Нет смысла бить поклоны кому-то вроде меня, — усмехнулся Фэн Ся, похлопав ладонью по земле, — ты мне не слуга, а я тебе не господин.

Раньше Бай Лао не понимал, почему Фэн Ся не позволил убить его. На самом деле, всё просто — они были похожи — два одиноких изгоя, которым нигде не найти себе места.

Фэн Ся посмотрел на присевшего рядом Бай Лао. Чуньшен рассказывала, что он изменился, но у Фэн Ся не было возможности убедиться лично. Мазнув взглядом по золоту на веках, словно в зыбучем песке рассыпалось звёздное крошево, он улыбнулся. Бай Лао всё ещё был ребёнком, но, странное дело, не выглядел совсем уж несуразно — необычно, странно, но лисья ли кровь тому причиной, почти естественно.

— Давненько ничего о тебе не слышал. — Фэн Ся лукавил, ведь Бай Лао не сходил у Чуньшен с языка, словно и впрямь был её родным сыном.

Бай Лао отчего-то почувствовал тёплый румянец на щеках. Конечно, от невыносимой жары.

— Возможно, сяншэн просто не слушал.

Фэн Ся усмехнулся, но промолчал. Бай Лао всё ещё был ребёнком, но произносимые им слова совсем не звучали по-детски. Он вдруг задумался, какой силой он сможет обладать, когда всерьёз научится ими пользоваться.

Бай Лао не знал, как продолжить разговор; не знал, зачем вообще решил пойти за Фэн Ся, и потому молчал, неловко теребя пальцами выбившуюся из плетения шляпы соломинку. Фэн Ся тоже не спешил прерывать молчание, лишь задумчиво крутя в руках предмет, на который Бай Лао совсем не обращал внимание до этого.

И тема нашлась сама собой.

— Это зеркало?

Фэн Ся вздрогнул, будто бы вопрос грубо выдернул его из глубокой задумчивости. Он посмотрел на предмет в своих руках — круглый и гладкий словно отражение луны на водной глади; резная ручка из белого нефрита, увитая цветами; каждый лепесток явно высечен вручную самыми искусными мастерами; по ободку сияющие острыми гранями рубины словно капли застывшей на века крови. Он улыбнулся, так горько, как Бай Лао никогда прежде не видел, и вдруг подставил сияющую гладь золотым солнечным лучам. И Бай Лао восторженно замер. На земле тенями заиграла чарующая картина — девушка в окружении цветов и опадающих лепестков протягивала ладонь парящему над ней фениксу. Так ярко, так пронзительно чётко, что, казалось, Бай Лао может различить каждый развевающийся на ветру волосок, каждое перо волшебной птицы.[3] Не удержавшись, Бай Лао провёл кончиками пальцев по земле, оглаживая хвост, распахнутые крылья, хохолок и клюв.

— Так красиво, — на выдохе произнёс он, зачарованный танцем изящных теней.

Голос Фэн Ся звучал непривычно надломленно, словно иссушенное, пустынным жаром дерево, наконец, сломалось.

— Когда-то отец подарил это зеркало моей матери. Когда все её вещи предали огню, служанке каким-то образом удалось его сохранить. Мне было около двенадцати, когда она отдала его.

Тени вдруг исчезли, когда Фэн Ся резко отбросил зеркало в сторону и наваждение спало. У Бай Лао отчего-то защемило сердце.

Фэн Ся поднялся, небрежно стряхивая пыль с одежды.

— Кажется, мы засиделись. Тебе стоит вернуться, пока сама великая заклинательница не отправилась на твои поиски.

Бай Лао поспешил подняться следом.

— Сяньшен... Вы что, просто...выбросите его?

— А почему нет? Это всего лишь безделица, напоминающая мне о том, кто я есть.

Бай Лао подошёл к отброшенному зеркалу. Подняв его, он бережно стёр пыль рукавом рубашки. Несколько мелких песчинок забились в резные цветы на ручке и пришлось несколько раз подуть, чтобы окончательно от них избавиться. Медное зеркало сложно разбить, но Бай Лао всё равно переживал.

Фэн Ся вздохнул, видя с каким трепетом детские пальцы проходятся по поверхности, скользят по резной ручке, по острым граням кроваво-красных рубинов. Он испытал лёгкий укол стыда — у Бай Лао ведь тоже не было матери и она совсем ничего ему не оставила. Возможно, не стоило так бурно поддаваться эмоциям. Подойдя ближе, Фэн Ся осторожно положил ладонь прямо на макушку Бай Лао.

— Забирай, если нравится, — мягко сказал он, зарываясь пальцами в нагретые солнцем волосы.
— Сохрани его для меня. Тебе оно хотя бы будет полезно.

Бай Лао вскинул голову, заглядывая прямо в тёплый, жидкий янтарь чужих глаз. Прижав зеркало к груди как редчайшую драгоценность, он часто-часто закивал.

— Конечно, сяньшен. Я буду очень его беречь.

Фэн Ся улыбнулся.

— Вот и славно.

Когда Фэн Ся ушёл, Бай Лао ещё раз бережно огладил изящный силуэт девушки, скользнул подушечками пальцев по парящему фениксу и только потом заметил замысловатые иероглифы, тонкой вязью протянувшиеся по обратной стороне резной ручки. Сокрытые лепестками цветущей сливы, они гласили:

«Пока способны видеть солнечный свет, будем помнить друг о друге».[4]

Комментарии и примечания:

[1] Цинмин — день поминовения усопших. Иногда его еще называют Днем чистоты и ясности мысли, так как Цинмин переводится как «чистый свет».

[2] В Китае белый цвет традиционно считается траурным.

[3] Здесь речь идёт о, так называемом, «волшебном» зеркале.

«Волшебное» зеркало относится к числу удивительнейших предметов, созданных человеком. Тыльная сторона таких зеркал обязательно украшена рельефными изображениями – орнаментом, фигуративными композициями, надписями или отдельными иероглифами, а лицевая - отлита из светлой бронзы и тщательно отполирована. При случайном освещении такое зеркало ничем не отличается от обычного. Однако если подставить его под яркий солнечный свет и направить отраженный зеркалом луч на неосвещенную стену, то в круге света проступает оборотная сторона, словно бронза чудесным образом стала прозрачной.

[4] «Пока способны видеть солнечный свет, будем помнить друг о друге» (□□□□, □□□□) — надпись на одном из реально существующих зеркал, найденном при археологических раскопках.

<http://bllate.org/book/14934/1323652>